...ъ

Страстные и Свѣтлые дни на Аѳонѣ

Варшава 1929

А. В. БОЛОТОВЪ

СТРАСТНЫЕ И СВѢТЛЫЕ ДНИ НА АѲОНѢ

ВАРШАВА
1 9 2 9

ZAKŁ. GRAF. E. I D-ra K. KOZIAŃSKICH W WARSZAWIE

Старѣйшей Русской
Обители на Аѳонѣ —
Монастырю св. Великомученика
и Цѣлителя Пантелеимона

эту памятку посвящаетъ

АВТОРЪ

Если ты обездоленъ людьми и судьбой,
Если горе къ тебѣ залетѣло,
Если тяжкій недугъ, присосавшись змѣей,
Какъ огнемъ, изсушилъ твое тѣло;
Если нѣтъ отъ тоски тебѣ сна по ночамъ,
Если трудъ твой въ рукахъ не спорится,
Приходи въ монастырь приложиться къ мощамъ,
Приходи въ монастырь помолиться.

Надсонъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Послѣ очаровательной книжки Б. К. Зайцева, гдѣ въ общемъ чрезвычайно вѣрно схвачена сущность Аѳона, всякая попытка возвращаться къ описанію Св. Горы может показаться или дерзкой или совершенно ненужной, но, во-первыхъ, сама тема неисчерпаема, а, во-вторыхъ, хотя лишь два года прошло съ посѣщенія Зайцевымъ Св. Горы, но уже многое на ней измѣнилось и измѣнилось къ худшему.

Собственно измѣнилось не въ самомъ Аѳонѣ, а въ окружающихъ его условіяхъ, и потому Б. К. Зайцевъ уѣхалъ очарованный красотою иноческаго духа и красотой природы, я же, восторгаясь дивнымъ созданіемъ Творца Вселенной и преклоняясь предъ историческимъ значеніемъ Аѳона, уѣхалъ все-же опечаленный предчувствіями и ходомъ событій, далеко неблагопріятныхъ для этой Твердыни Православія, каковой до сихъ поръ считался и былъ Аѳонъ.

Но неумолимый и жестокій Рокъ, разрушающій государства, созидающій новыя, низвергающій троны, постепенно подбирается и къ этому Оплоту Православной Вѣры, къ этому историческому богатству духа и святынь, богатству великолѣпныхъ и древнихъ храмовъ, богатству церковныхъ предметовъ и книгохранилищъ, рукописей и царскихъ грамотъ (хрисовулъ) и, наконецъ, — и это самое главное — къ еще мощному духомъ остатку живущихъ, чистыхъ сердцемъ и помыслами праведниковъ старцевъ, схимниковъ, отшельниковъ и тружениковъ.

Аѳонъ беззащитенъ, а между тѣмъ онъ болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ защитѣ, добромъ и мудромъ совѣтѣ и, главнымъ образомъ, въ покровительствѣ.

И потому люди сильные, люди властные должны его вспомнить, обязаны поддержать эту многовѣковую гордость не только греческой церкви, но и всего Православія, эту еще неисчерпанную силу духа, эту Вѣру въ великое будущее нашей Церкви.

Онъ нуждается въ людяхъ, въ свѣжихъ силахъ вѣрующихъ людей, пока еще не поздно, пока не исчезли свѣтильники Православія, тѣ старцы, что въ своемъ сердцѣ имѣютъ вѣчный пламень христіанской Вѣры и которые служатъ еще доказательствомъ величія духа, скромной тихости и блаженной, а, можетъ-быть, и непонятной, и несовременной нынѣ праведности.

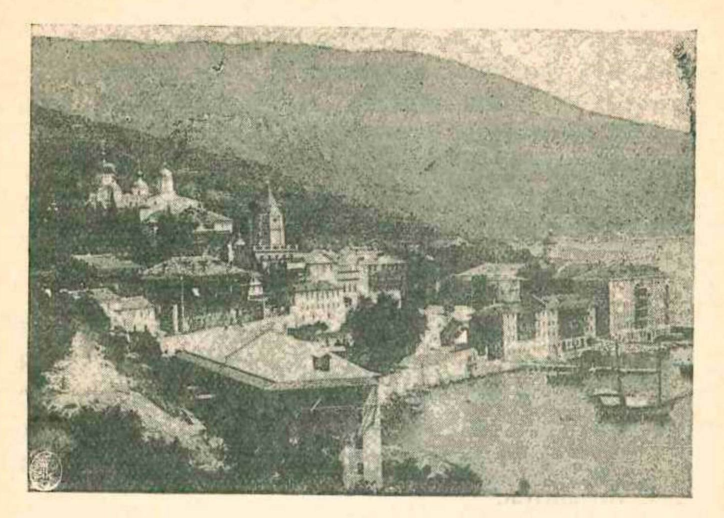
Это царство иночества, молитвы и уединенія должно быть открыто для всѣхъ вѣрующихъ православныхъ людей, для всѣхъ лицъ жаждущихъ тишины, покоя и забвенія отъ мірской суеты и искупленія своей грѣховности, а монастырямъ должно быть предоставлено свободное право пріема духовно страждущихъ и измученныхъ жизнью людей.

И я буду счастливъ, если мой скромный трудъ поддержитъ Св. Аѳонъ и поможетъ отцамъ аѳонцамъ въ трудныя минуты ихъ иноческой жизни.

I.

Незабываемые дни, неизгладимыя впечатлѣнія.. Съ дѣтства наслышался я про Аѳонъ, про его строгое подвижничество, глубокую приверженность къ Православію и церковнымъ уставамъ и полную отчужденность отъ внѣшняго міра и, наконецъ, про дивную красоту его природы. Но все это было далеко и по разстоянію и по мыслямъ, пока не пришла революція, а съ ней изгнаніе, и я географически не приблизился къ Св. Горѣ, а затѣмъ, съ подкравшейся старостью, явилась большая потребность къ молитвѣ и уединенію и хотѣлось хоть на время забыть житейскія невзгоды и насущныя заботы. И я сталъ лелѣять мечты объ Аѳонѣ, стремясь ихъ осуществить.

Вдругъ сперва два-три прелестныхъ фельетона объ Аѳонѣ въ газетѣ «Возрожденіе», принадлежавшихъ перу нашего талантливаго беллетриста Б. К. Зайцева, а вслѣдъ за ними его поэтично-очаровательная книжка. И я вступилъ въ переписку съ Игуменомъ русскаго Пантелеймоновскаго Монастыря и на всѣ мои, съ точки зрѣнія монашеской и аѳонской, пустые вопросы онъ отвѣчалъ съ уди-

МОНАСТЫРЬ СВ. ПАНТЕЛЕИМОНА.

АНДРЕЕВСКІЙ СКИТЪ.

вительной кротостью, а на послѣднія мои сомнѣнія объ умѣстности именно теперь поѣздки на Аѳонъ онъ написалъ: «не безпокойтесь, Вы пріѣзжаете въ родную, русскую Обитель». Эти простыя, но милыя слова захватили мое сердце, и поѣздка была рѣшена. И я въ пыльныхъ и скучныхъ Салоникахъ, гдѣ еще три дня прождалъ парохода въ Дафни (аѳонская пристань).

Наконецъ, желанный день насталъ,—это былъ четвергъ, — и въ семь часовъ вечера пароходъ «Закинтосъ», весьма приличный, отчалилъ. Проснулся я и отъ свистковъ, и отъ безпокойныхъ старческихъ думъ рано: меня волновала неизвѣстность и какъ все устроится.

Выхожу на палубу и, несмотря на сѣрое утро, вижу среди зеленѣющихъ горъ снѣжную вершину горы Аѳонъ, а подъ ней, въ ущельи у самаго моря, пріютился монастырь Св. Павла, влѣво отъ него тоже на берегу—Св. Діонисій, дальше—Св. Григорій и затѣмъ, точно сказочное видѣніе или волшебный замокъ, на высокой, отвѣсной и узкой скалѣ—Симоно Петръ, а тамъ вдали за Дафни, опять-таки на морскомъ берегу, величественно и живописно красовались громадныя зданія и золоченые купола церквей Обители Св. Пантелеимона, цѣли моей поѣздки.

Я не буду описывать переѣзда въ Карею*) для полученія аѳонскаго разрѣшенія на пребываніе и

*) Городокъ, гдѣ находится управленіе Аѳона и гдѣ, какъ и на всей Горѣ, нѣтъ ни одной женщины.

на осмотръ всѣхъ монастырей. Скажу лишь, что какъ въ Кинотѣ, (гдѣ съ Секретаремъ о. Архимандритомъ Амвросіемъ, представителемъ Иверскаго монастыря, повидимому, очень просвѣщеннымъ старцемъ, объяснялся по-французски), такъ и всюду въ Греціи отъ всѣхъ властей, начиная съ греческаго посланника въ Бухарестѣ, я встрѣчалъ самое предупредительное отношеніе. А въ русскомъ конакѣ въ Кареѣ, гостепріимнымъ и любезнымъ о. Іеродіакономъ Сергіемъ, представителемъ Пантелеймоновскаго Монастыря, былъ встрѣченъ точно давно желанный гость.

Побывалъ и въ Кинотѣ и кинотскомъ соборѣ, съ чудной живописью знаменитаго византійскаго художника Панселина, а также и въ русскомъ, Андреевскомъ скиту, идеально расположенномъ на возвышенномъ мѣстѣ*), съ очаровательными и живописными видами во всѣ стороны; направо отъ него раскинулась Карея, за ней — монастырь Кутлумушъ, а гораздо далѣе высится острая и гордая, надъ всѣмъ царящая бѣлоснѣжная вершина Аѳона. Внизу къ морю виднѣются русскія келліи (мал. скиты) Іоанна Златоуста и Бѣлозерская, прямо утопающія въ зелени, а на самомъ морскомъ берегу монастырь Ставроникита. Немного выше, въ сторону горъ, Троицкая келлія, а влѣво внизу, среди лѣсовъ, Св. Варвара и еще многія другія.

Привѣтливость скромнаго отца игумена Андреевскаго скита меня обрадовала; я почувствовалъ

*) 500 метровъ надъ уровнемъ моря.

себя въ Россіи и на другое утро, жизнерадостный, опять верхомъ на мулашкѣ, по живописной лѣсной дорогѣ, отправился въ Русикъ, какъ тамъ называютъ Пантелеймоновскій Монастырь.

II.

Послѣ трехчасоваго пути я его достигъ и прямо направился къ О. Игумену Мисаилу, весьма бодрому старцу, уже 24 года мудро управляющему Св. Обителью. Отъ Игумена—въ гостиницу (по мѣстному Архондарикъ): свѣтлая, веселенькая и чистенькая комната съ чуднымъ видомъ и на громадную, многоэтажную Обитель, и на зеркальное, ласкающее глаза, полуденное море, и на зеленѣющія слѣва горы.

Знакомство за обѣдомъ съ начальствующими монастыря, нѣкоторое взаимное смущеніе, но вниманіе и спокойная ласковость Игумена меня сразу расположили. Послѣ краткаго обзора Монастыря и братской усыпальницы я, утомленный дорогой и въ ожиданіи праздничнаго ночного бдѣнія (была вербная суббота), прилегъ отдохнуть.

Разбудили, когда совсѣмъ стемнѣло, и по мрачнымъ, и длиннѣйшимъ корридорамъ, вмѣстѣ съ о. гостинникомъ прошелъ, хотя и не въ старинный, но удивительно располагающій къ молитвѣ, просторный Покровскій соборъ.

Нарядныя, золотыя съ крупными цвѣтами облаченія, чинное и благолѣпное кажденіе дьяконами съ золочеными ковчегами на лѣвыхъ плечахъ

и кажденіе какимъ-то особо душистымъ ладаномъ, плавные, точно воздушные экклезіархи, проникновенное, полупѣвучее чтеніе почтенными старцами и шестопсалмія, и каѳизмъ, таинственный полумракъ храма, мерцающія и пахучія восковыя свѣчи въ мѣдныхъ паникадилахъ, а вдоль стѣнъ храма въ стасидіяхъ (мѣста для стоянія) молящіеся, а то и дремлющіе старцы и, наконецъ, торжественные выходы духовенства съ отцомъ Игуменомъ, его прекрасное, отчетливое чтеніе и служеніе, позднѣе раздача букетиковъ сирени съ лавровыми вѣтками вмѣсто вербъ, вотъ первыя впечатлѣнія отъ старинной русской аѳонской Обители.

Присутствовали очень милые французы, одновременно со мной пріѣхавшіе на Аѳонъ; они были восхищены торжественностью богослуженія и, выходя изъ церкви, все повторяли: „oh! c'est sublime!“

И, дѣйствительно, въ служеніи нѣтъ ничего показного; наоборотъ, соблюденіе и уваженіе обрядовъ вошло у аѳонцевъ въ плоть и кровь, другого служенія, торопливаго, они не понимаютъ, а продолжительныя стоянія — завѣтъ аѳонскихъ отцовъ. Между важнѣйшими моментами бдѣнія (оно длилось болѣе 10 часовъ) неслышные экклезіархи погружали церковь во мракъ, мерцали лишь лампочки у канонарховъ и лампады у чудотворной Иконы Іерусалимской Божіей Матери, надъ Царскими вратами и у Цѣлителя Пантелеймона. Видя, что даже не всѣ монахи выстаиваютъ, и я уходилъ. Но, точно влекомый невѣдомой силой, опять черезъ часа два возвращался, изумляясь неутомимости о.

Игумена и ему сослужившихъ, тоже весьма почтенныхъ старцевъ.

Настало утро и, послѣ порядочнаго перерыва, въ томъ же храмѣ торжественное служенiе литургiи. Опять восемь iеромонаховъ съ Игуменомъ во главѣ, опять мягкая октава семидесятилѣтняго архидiакона наполняла храмъ. Пѣнiе старательное, но какiе же голоса можно требовать отъ преклонныхъ старцевъ и притомъ никогда не учившихся пѣнiю?

Обѣдня кончилась. О. Архимандритъ спустился во дворъ въ старинный соборъ Св. Пантелеимона, гдѣ, облачившись въ игуменскую мантiю, подъ колокольный звонъ направился въ огромную трапезную, куда и меня пригласили слѣдовать. Толстый ломоть вкуснаго, отлично испеченнаго ржаного хлѣба, щи изъ кислой капусты, какое-то варево изъ картофеля и для праздника стаканъ краснаго вина. Во время обѣда — чтенiе житiя святыхъ. По окончанiи трапезы опять шествiе Игумена подъ колокольный звонъ въ Соборъ, краткая литiя и, наконецъ, расхожденiе по келлiямъ для вполнѣ заслуженнаго всѣми отдыха.

III.

Небезынтересны свѣдѣнiя о монашескихъ постахъ. Великимъ постомъ трапеза бываетъ разъ въ день по восточному времени въ 8 ч. вечера, по нашему въ $3^1/_2$ часа дня и состоитъ изъ похлебки безъ масла, сырого лука или соленаго огурца. Чай разрѣшается, кромѣ первой и страстной; на послѣдней — лишь въ великiй четвергъ и субботу. Рыба постомъ только въ Благовѣщенiе. Въ великiй понедѣльникъ и пятницу ничего, даже воды, не полагается, а между тѣмъ въ великую пятницу служба, считая 12 евангелiй, Царскiе часы и вечерню, длится болѣе 16 часовъ. Другiе посты тоже безъ рыбы и безъ масла, но по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ двѣ трапезы, по средамъ же и пятницамъ круглый годъ одна трапеза въ день. Въ великую субботу обѣдъ иноковъ въ шестомъ часу дня, по нашему времени, состоялъ изъ 10 винныхъ ягодъ и теплой воды.

И какъ трогательно было видѣть, когда послѣ болѣе чѣмъ легкой трапезы, кажется, въ среду на страстной недѣлѣ, созванная ударами въ било вся братiя и семидесятилѣтнiе старцы трудились надъ выгрузкой монастырскаго паруснаго судна, и работа кипѣла; въ теченiе двухъ часовъ не только всѣ товары были разгружены, но и вновь судно было нагружено дровами, которыя отправляли въ Салоники на продажу.

Во вторникъ на Страстной, послѣ обѣдни, совершался очень интересный обрядъ постриженiя о. намѣстника въ схиму. По этому случаю братiи было разрѣшено чаепитiе.

Въ великiй четвергъ утромъ до обѣдни совершалось елеосвященiе, что я видѣлъ впервые. По

окончанiи его всѣ служившiе iеромонахи помазывали богомольцевъ и братiю елеемъ, и въ лобъ, и подбородокъ, и обѣ щеки, и обѣ руки, какъ въ ладони, такъ и сверху. Тутъ же всѣмъ раздавалась для обтиранiя вата, и потомъ она сжигалась. Двѣнадцать евангелiй по аѳонскому уставу читаютъ въ алтарѣ, что менѣе торжественно и хуже слышно. Другихъ отличiй въ церковныхъ службахъ Страстной недѣли съ общерусскими нѣтъ, только всѣ гораздо продолжительнѣе.

Наконецъ, настала суббота и послѣ длинной полунощницы пасхальная заутреня, когда крестные ходы изъ обоихъ соборовъ выходятъ одновременно. Масса духовенства, чудныя облаченiя, иконы, хоругви, зажженыя свѣчи представляли красивое зрѣлище, а серебристый, радостный и великолѣпный звонъ колоколовъ разносился далеко по окрестностямъ.

Хотя заутреня и длилась всего два часа, но утомленный службами предыдущихъ дней, я поздней обѣдни не въ силахъ былъ дождаться и, приложившись къ образамъ у священно-служителей (монахамъ христосоваться не полагается), прошелъ въ уютный параклисъ, рядомъ съ гостиницей, къ ранней обѣднѣ. Служилъ духовникъ обители добрѣйшiй о. Архимандритъ Кирикъ, а четыре старца очень благолѣпно пѣли. Вся церковка была переполнена монахами, что меня весьма утѣшило: значитъ, не я одинъ, непривычный, утомился, и они были рады поскорѣе отстоять обѣдню. Вообще же молятся они добросовѣстно, напр. милый гостинникъ о. Iоасафъ, котораго я, видя его дневные труды, удерживалъ отъ ночныхъ служенiй, все-таки уходилъ въ церковь, ибо молитва у нихъ не только привычка, но и потребность.

IV.

Несомнѣнно, на Аѳонѣ хорошо молиться, у кого хватаетъ молитвъ и силъ на эти безконечныя богослуженiя, но тамъ же и отлично жить тѣмъ, кто ищетъ душевнаго покоя, тихихъ радостей и той идеальной тишины, которой теперь нигдѣ въ Европѣ не найдешь. Даже въ жару, въ iюнѣ и iюлѣ, можно всегда найти нагорную келлiйку, гдѣ прохладно и гдѣ такой легкiй, восхитительный воздухъ и при томъ келлiйку, окруженную дивнымъ лѣсомъ: и южныя сосны, и кедры, и олеандры, и лавровыя деревья, и платаны, и каштаны, и самые разнообразные дубы, и камарня, и всевозможные кустарники, и всюду плющъ. А ближе къ монастырямъ и смоковницы, и кипарисы, и апельсины, и лимоны, и оливковыя, и другiя фруктовыя, и громаднѣйшiя орѣховыя деревья. И повсюду ручейки, источники, водопады и видъ на чудное, точно бирюзовое море.

И потому вполнѣ понятно, что всю Страстную недѣлю, а особенно въ Пасхальную ночь я былъ въ приподнято-радостномъ настроенiи и неоднократно благодарилъ Господа, что, хоть на своемъ жизненномъ закатѣ, я, недостойный, слабый и грѣшный человѣкъ, удостоился не только посѣ-

тить Аѳонъ, но и провелъ тамъ этотъ Великій Праздникъ.

Я былъ въ такомъ бодромъ состояніи духа, что довольствовался урывочнымъ аѳонскимъ сномъ, легко переносилъ утомительные и длительные переѣзды *) на мулашкахъ, несмотря на то, что болѣе тридцати лѣтъ не ѣздилъ верхомъ, а также особливо хорошо себя чувствовалъ, благодаря легкой и здоровой аѳонской пищѣ.

Кажется, никогда въ жизни, въ самые счастливые годы своей молодости, не чувствовалъ я себя такъ благостно, какъ тамъ. И всѣ житейскія дѣла и всѣ насущныя заботы тамъ меркнутъ; ихъ тамъ забываешь, вполнѣ предаваясь молитвенному сосредоточію, чудодѣйственному созерцанію дивной, успокаивающей природы и безхитростной бесѣдѣ за россійскимъ чаепитіемъ съ милыми аѳонцами.

А затѣмъ на Пасхальной недѣлѣ, пробывъ два дня въ этомъ райскомъ уголкѣ — Андреевскомъ скиту, озаренный южнымъ солнцемъ, любуясь голубымъ небосклономъ и чудными видами и на чарующее море, и на лѣса, и на разбросанныя повсюду церковки, келліи, каливы, конаки и монастыри, окруженный вниманіемъ милаго Андреевска-

*) Русскій путешественникъ Барсковъ, бывшій дважды на Аѳонѣ и въ 1740 г. обошедшій всѣ монастыри, про святогорскія дороги выражается такъ: «Шествовалъ путемъ жестокимъ». И эти «пути жестокіе» остались и понынѣ, и исправить ихъ невозможно или потребовало бы это громаднѣйшихъ суммъ.

го Игумена О. Архимандрита Митрофана и его сотрудниковъ, убаюканный этой изумительной, мнѣ непривычной тишиной, я блаженствовалъ, сожалѣя лишь объ одномъ, что приближается время неизбѣжнаго отъѣзда, исчезнетъ это чудное видѣніе, скроется съ глазъ, но не изъ сердца, Св. Гора, и опять наступитъ мірская сутолока, и божественное уступитъ мѣсто земному...

Но, именно въ Андреевскомъ скиту *), этомъ блестящемъ доказательствѣ былой русской народной Мощи и Вѣры, особенно ясно представилось мнѣ отсутствіе въ прежнія времена попеченія, содѣйствія и покровительства со стороны нашего посольства въ Константинополѣ по отношенію къ Аѳону.

Всегда русскія учрежденія за границей были пасынками нашей дипломатіи. Одного графа Николая Павловича Игнатьева вспоминаютъ на Аѳонѣ съ глубокой и сердечной признательностью и, пожалуй, М. Н. Гирса, а другіе, и въ томъ числѣ весьма вліятельный въ блистательной Портѣ И. А. Зиновьевъ, ничего не сдѣлали для русскихъ мона-

*) На Аѳонѣ разница между монастырями и скитами та, что первые — на собственной землѣ, дарованной имъ еще грамотами Византійскихъ Императоровъ, а скиты — на земляхъ, арендуемыхъ ими у монастырей. Въ остальномъ русскіе скиты почти самостоятельны, но утвержденіе избираемыхъ ими игуменовъ зависитъ отъ того монастыря, къ которому скитъ приписанъ, равно какъ и награжденіе игуменовъ саномъ Архимандрита дѣлается по представленію монастыря. Андреевскій скитъ приписанъ къ Ватопедскому монастырю.

стырей и русскихъ монаховъ Аѳона. А какъ разъ тогда-то было такъ легко превратить Андреевскій и Ильинскій скиты въ самостоятельные монастыри, хотя бы пріобрѣтеніемъ обѣднѣвшаго и мало населеннаго греческаго монастыря Ставро-Никиты, и въ Карейскомъ Протатѣ *) было бы цѣлыхъ три русскихъ голоса, а славянскихъ — пять, считая болгарскій Зографскій и древнѣйшій сербскій Хиландарскій монастыри, вмѣсто нынѣшняго одного русскаго противъ 17 греческихъ голосовъ. Естественно, что положеніе русскихъ нынѣ неравное и зачастую весьма зависимое.

Возвращаясь къ описанію церковныхъ службъ Пасхальной недѣли, скажу про вечерню въ Свѣтлое Воскресеніе. Для чтенія евангелія священники становились гуськомъ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого, въ алтарѣ — намѣстникъ, а въ глубинѣ храма — діаконы. Евангеліе читали на разныхъ языкахъ, и послѣ каждаго стиха экклезіархи звонили въ особые колокольчики, вродѣ бубенцовъ, давая знакъ звонарю, и затѣмъ плавно разносился гулъ большого колокола. Это было и торжественно и красиво.

Въ другіе дни Пасхальной недѣли за вечерней кадили экклезіархи, тоже имѣя ковчеги на плечахъ, особенными открытыми кадильницами на серебряныхъ блюдахъ.

Всюду на Аѳонѣ богослуженіе прекрасное, но въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ и Андреевскомъ скиту оно истовое, проникновенное (особенно чтенія) и благолѣпное. И всѣ облаченія, что я видѣлъ, отличныя, хотя знаю, что, нуждаясь, они богатѣйшія уже продали.

*) Высшее церковное управленіе Аѳона.

Аѳонское богослуженіе нельзя даже назвать служеніемъ, — это священнодѣйствіе, гдѣ всѣ, начиная отъ отца Игумена и кончая канонархами и экклезіархами, словомъ всѣ иноки проникнуты важностью совершаемаго; ни у кого не замѣчается скуки или желанія поскорѣе дочитать или отслужить, наоборотъ, видно лишь общее стремленіе къ молитвѣ. Особенно мнѣ запечатлѣлись два старца-канонарха о. о. Касьянъ и Прокопій. Казалось, ихъ внятное, одухотворенное чтеніе, какъ и прекрасное служеніе отца Игумена Мисаила можно было слушать безъ конца, не чувствуя утомленія.

Изобиліе же частицъ Св. Мощей и прочихъ святостей, чѣмъ чрезвычайно гордятся, особенно въ греческихъ монастыряхъ, произвело на меня скорѣе обратное впечатлѣніе ненужнаго и пустого соревнованія. Дѣло не въ святыняхъ, а въ духѣ. Это самое важное, и потому трогательно было видѣть въ Пантелеимоновской Обители, какъ въ одномъ изъ параклисовъ денно и нощно читался псалтырь въ память усопшей братіи и скончавшихся жертвователей, которыхъ вообще поминали усердно.

V.

Время, трудныя сообщенія и дальнія разстоянія не позволили мнѣ объѣхать всѣ монастыри и

скиты. И хотя меня въ одномъ мѣстѣ увѣряли, что греки не любятъ русскихъ, но всюду, гдѣ я былъ: и въ богатѣйшемъ Ватопедѣ, и Иверскомъ, и Григоріатѣ, и Діонисіатѣ, и Дохіарѣ, были очень гостепріимны и любезны; о.о. старцы эпитроны собирались въ парадной гостинной, и черезъ переводчика шла бесѣда. Греки задавали много вопросовъ. Особенно меня тронулъ своей любезностью Игуменъ монастыря Св. Григорія, а въ Иверскомъ Архимандритъ Афанасій такъ сердечно вспоминалъ Москву, хотя прошло 50 лѣтъ, какъ ее покинулъ. Усиленно приглашали въ болгарскій монастырь Зографа, гдѣ дивное мѣстоположеніе въ лѣсу, но, къ стыду моему, убоявшись множества ожидаемыхъ гостей, я къ нимъ, на престольный праздникъ (23 апр.), такъ и не попалъ.

Всѣ монастыри и всѣ уголки Аѳона и живописны и интересны, но особенно замѣчателенъ Ватопедъ съ богатѣйшимъ и стариннымъ храмомъ и еще болѣе богатой библіотекой, со своими рукописями IX и XI вѣковъ и Птоломеевыми картами. Но счастливы тѣ, кто попадетъ туда на лодкѣ, ибо верховая дорога, даже для Аѳона, ужасна. Но нѣтъ на землѣ мѣста, гдѣ живутъ люди и гдѣ бы не было изъяна, и Аѳонъ этого не избѣжалъ, а я, благодаря нелюбезности нѣкоторыхъ медоточивыхъ соотечественниковъ, не только лодки, но и ночлега не получилъ: ну, Богъ съ ними!

Все же изъяны на Аѳонѣ, въ сравненіи съ его положительными сторонами, такъ ничтожны, что мало замѣтны, и, наоборотъ, всѣ аѳонцы, начиная

съ Игумена и Намѣстника, меня поражали своей привѣтливостью, спокойствіемъ, ровностью и своимъ добродушіемъ. Ворчливыхъ, недовольныхъ или разочарованныхъ я не видалъ. Даже молодой монахъ, меня сопровождавшій, уроженецъ Карпатской Руси, удивлялъ благородствомъ и выдержанностью своихъ движеній, своей скромностью и невозмутимостью. И въ Андреевскомъ скиту *) и въ греческихъ монастыряхъ я наблюдалъ то же самое, хотя на видъ греческіе монахи — важнѣе и жирнѣе русскихъ.

Искренно желая дальнѣйшаго и полнѣйшаго процвѣтанія Аѳону вообще, а въ частности и главнымъ образомъ русской его части, и вполнѣ сознавая, что эта охранительная, нравственная, историческая сила особенно необходима въ настоящее время для поддержанія разгромленной нынѣ православной (русской) церкви, я, при всемъ своемъ восторженномъ впечатлѣніи отъ Св. Горы, все-таки, для правдивости и цѣльности общей картины, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ изъянахъ или тѣневыхъ сторонахъ Аѳона и на первомъ мѣстѣ принужденъ поставить почти полное отсутствіе врачебной помощи и плохое состояніе и слабое оборудованіе больницъ, мной видѣнныхъ; затѣмъ, очень грустно, жестоко и несправедливо за-

---

*) Андреевскій скитъ своимъ процвѣтаніемъ во многомъ обязанъ извѣстному дѣятелю русской церкви Андрею Ник. Муравьеву, который съ 1849 г. до своей смерти 1874 г. заботился о немъ.

прещеніе русскимъ поступать въ Аѳонскіе монастыри, когда именно теперь, удрученные житейскими невзгодами и тягостями и бѣженскими несчастьями и печалями, русскіе изгнанники особенно нуждаются въ молитвенномъ утѣшеніи и душевномъ успокоеніи.

Вѣрующіе люди, стремящіеся на Аѳонъ, далеки отъ политики и связанныхъ съ ней раздоровъ, а невѣрующіе или все презирающіе туда и не пойдутъ, да монахи, опытные психологи, ихъ и не примутъ.

А затѣмъ неблагодарность никому не дѣлаетъ чести. Россія же во времена своего могущества много помогала Аѳону и не только русскимъ монастырямъ. Многіе греческіе монастыри, какъ Симоно-Петра, Костамонитъ, Иверскій и другіе, пользовались щедротами русского народа, а Симоно-Петръ послѣ послѣдняго пожара въ 1891 году былъ возобновленъ исключительно на русскія благодѣянія.

Къ изъянамъ, да простятъ мнѣ отцы аѳонцы, слѣдуетъ отнести видѣнныхъ мной бродячихъ, т. е. не приписанныхъ ни къ одному монастырю и не имѣющихъ опредѣленнаго мѣстожительства монаховъ и даже іеромонаховъ, къ сожалѣнію, своимъ внѣшнимъ видомъ очень напоминающихъ Пушкинскаго Варлаама.

Аѳонцы къ этимъ сиромахамъ привыкли, они ихъ не поражаютъ и не огорчаютъ, но въ моей головѣ не укладывается понятіе о монахѣ, стремящемся къ свободѣ. Принимая монашескій постригъ. монахъ отрекается отъ свободы и отъ своей воли, и

потому для достоинства Аѳона и аѳонскихъ монастырей съ этимъ изъяномъ слѣдуетъ бороться: это не способствуетъ почитанію и уваженію аѳонцевъ. Такихъ монаховъ, вѣроятно, немного, но я видѣлъ бродячаго іеромонаха, который, по заявленію моего спутника, «гдѣ обѣдню отслужитъ, гдѣ портняжествомъ займется». И хотя смиреніе весьма почтенно, но дозволять такой образъ жизни, да еще іеромонахамъ не слѣдуетъ.

Конечно, я, какъ сѣверянинъ и природный великороссъ, выросшій во всѣхъ понятіяхъ русской церкви, не могъ примириться на Аѳонѣ со способомъ погребенія по восточному обряду, безъ гробовъ и потомъ черезъ три года выкапываніемъ покойника и обмываніемъ и очищеніемъ костей для опредѣленія, по ихъ цвѣту, святости почившаго и чистоты его жизни и проч.

Не мнѣ измѣнять вѣками установившійся обрядъ и старозавѣтный обычай, имѣющій, вѣроятно, за собой много основаній, но все же позволю себѣ указать, что этотъ способъ погребенія не вяжется съ понятіемъ о вѣчномъ покоѣ, о чемъ возносятся у насъ моленія при погребеніи.

Невольно мнѣ вспомнилось образцово содержавшееся братское кладбище Валаама, гдѣ на могилкахъ были бѣлые кресты и красовались цвѣточки. Это, несомнѣнно, было какъ-то родственнѣе и понятнѣе для русской души, чѣмъ складываніе череповъ на полки, а костей, какъ дрова, штабелями.

Вотъ всѣ мной замѣченные не то что изъяны, а скорѣе тѣневыя стороны Аѳона, которыхъ касаюсь совершенно безпристрастно, не желая никого обидѣть или огорчить, а лишь для точности и правдивости моего описанія Св. Горы.

VI.

Самъ собою напрашивается вопросъ, не есть ли монастыри пережитокъ среднихъ вѣковъ, теперь недопустимый и излишній въ нашъ вѣкъ торжества науки, всевозможныхъ открытій, покоренія воздуха и несомнѣннаго измельчанія людской породы и въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ?

Нужны-ли вообще монастыри и не правы-ли тѣ правительства, которыя ихъ преслѣдуютъ и закрываютъ, замѣняя музеями или мѣстами увеселеній?

Эти вопросы и подобные имъ я частенько задавалъ себѣ въ послѣдніе годы вмѣстѣ съ вѣчноюнымъ пилатовскимъ вопросомъ: «Что есть истина?» Именно въ наше время униженія и стѣсненія христіанства мирнаго (я разумѣю православіе) и могущества воинствующаго христіанства, т. е. католичества и еще болѣе воинствующаго и побѣдоноснаго іудейства, особенно ополчающагося на христіанство при содѣйствіи создаваемыхъ имъ разныхъ сектъ и будто бы ученыхъ обществъ, этотъ вопросъ весьма умѣстенъ и своевремененъ.

Но какъ въ жизни Спасителя ничего не было воинствующаго, а тѣмъ болѣе побѣдоноснаго, а лишь ученіе о спасеніи, вѣчномъ блаженствѣ и любви къ ближнему, исцѣленія болящихъ и Страданія за человѣчество, так и въ христіанствѣ ничего не должно быть, кромѣ смиренія, Вѣры въ Христа и въ вѣчную Жизнь, ибо Царство Спасителя — «не отъ міра сего».

Что же касается монастырей, то, не закрывая глазъ на людскія слабости и не утверждая, что всѣ монастыри хороши и полезны, какъ нѣкоторые ихъ прославляютъ, и не видя во всѣхъ монахахъ прозорливцевъ или святыхъ, я еще ранѣе, а особенно въ 1917 году, послѣ посѣщенія Валаама, пришелъ къ глубокому убѣжденію въ громадной пользѣ и необходимости монастырей.

Но Валаамъ, какъ бы крѣпокъ въ немъ духъ отшельничества ни былъ, есть лишь крупная духовно-нравственная единица; Аѳонъ же, тысячелѣтнее, почти независимое собраніе двадцати монастырей разныхъ народностей и 16 скитовъ и множества келлій и каливъ, всегда представлялъ изъ себя въ цѣломъ могучее въ своихъ постановленіяхъ и дѣйствіяхъ и твердое въ Вѣрѣ монашеское, полутаинственное, всеправославное царство, съ которымъ вся наша Церковь привыкла считаться и къ голосу котораго постоянно прислушивалась и прислушивается. Не даромъ Святая Гора находится подъ Святымъ Покровомъ Владычицы нашей Божіей Матери, и Ея незримое, но постоянное

Присутствіе и Ея благодатную Помощь ощущаетъ на себѣ всякій поклонникъ Св. Горы. Передать это словами невозможно, это надо чувствовать и въ этомъ-то неизъяснимая прелесть Аѳона, а сами аѳонцы, какъ люди особаго склада и міровоззрѣнія, глубокаго христіанскаго убѣжденія, твердой и искренней Вѣры, представляютъ сильный оплотъ православія, и потому существованіе Аѳона не только отрада для вѣрующихъ, но и громадная защита для православной Церкви и поддержка для, зачастую колеблющихся или зараженныхъ новизной, Ея первоизбранниковъ.

Нигдѣ такъ хорошо, какъ на Аѳонѣ, нельзя спастись отъ нашей жизни, полной треволненій, соблазновъ и искушеній, и это духовное созерцаніе самого себя, сосредоточеніе своихъ мыслей, постоянное исповѣданіе своихъ грѣховъ въ этомъ тихомъ уединеніи, среди дивной природы, можетъ послужить во спасеніе многимъ, а спасти «единаго отъ малыхъ сихъ» уже великое счастіе и благо.

Для насъ же, русскихъ, имѣется еще другая отрадная сторона на Аѳонѣ, а именно: Обитель Св. Пантелеимона, а также русскіе скиты и келліи, при нашей полной оторванности отъ родины, даютъ всякому русскому человѣку не только духовное утѣшеніе и успокоеніе, но и представляютъ изъ себя почти единственные уголки доброй, старой и святой Руси съ хорошей, чистой, не испорченной Западомъ русской рѣчью. И не только молитва, но и бесѣда съ хорошими русскими людьми, прежняго

уклада мыслей, составляетъ великую радость и умиротвореніе для истерзаннаго изгнаніемъ русскаго сердца.

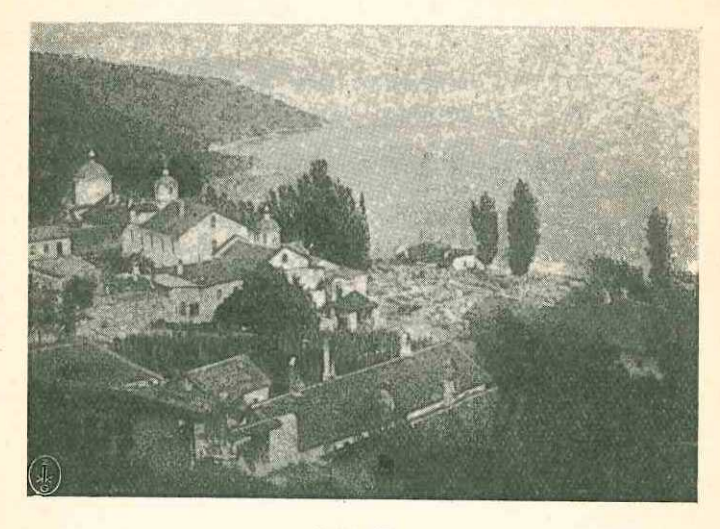
VII.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ исторіи Русика, т. е. Пантелеймоновскаго монастыря. Русскіе иноки появились въ 1039 году; еще св. Антоній Печерскій спасался на Аѳонѣ. Сперва русскіе поселились въ понынѣ существующемъ скиту Ксилургу, т. е. Древодѣлія *), а оттуда въ 1169 году, изъ-за тѣсноты помѣщенія, перебрались въ старый или Нагорный Русикъ, гдѣ въ 1186 году принялъ иноческій образъ царевичъ сербскій Растко, впослѣдствіи знаменитый Архіепископъ сербскій св. Савва. Этому событію обязана русская обитель благодѣяніями со стороны сербскихъ королей, которые въ теченіе трехсотъ лѣтъ поддерживали Св. Обитель.

На нынѣшнемъ мѣстѣ монастырь обосновался въ XVIII столѣтіи, но русскихъ еще въ 1735 году не было. Затѣмъ обитель обѣднѣла и, такъ какъ преобладали греки, Карейскій Кинотъ хотѣлъ русскую Обитель закрыть, чему воспротивился прозорливый и мудрый вселенскій Патріархъ Калиникъ. Онъ потребовалъ отъ Кинота избранія Игумена и

*) Принадлежитъ Пант. Монастырю вмѣстѣ съ тремя другими скитами: Старымъ Русикомъ, Ѳиваидой и Крумицей.

таковымъ въ 1803 году утвердилъ великаго подвижника, преклонныхъ лѣтъ старца, грека Савву. Трудамъ о. Саввы и щедрости валашскаго князя Скарлата Калимаха монастырь обязанъ своимъ воскресеніемъ. Савва скончался въ 1821 году 103

ѲИВАИДА.

лѣтъ отъ роду, избравъ себѣ преемникомъ, тоже отшельника, болгарина Герасима, который изъ-за греческой революціи лишь въ 1832 году могъ вступить въ управленіе монастыремъ.

Русскіе стали вновь въ немъ появляться съ 1835 года *) и съ шестидесятыхъ годовъ уже преобладали, такъ что преемникомъ о. Герасима въ

---

*) Первымъ былъ іеромонахъ Аникита (князь Ширинскій-Шахматовъ).

1875 году былъ избранъ русскій, энергичный, мудрый Архимандритъ Макарій, старецъ строгой жизни.

Этому выдающемуся дѣятелю и великому ревнителю Православія, а также содѣйствію знаменитаго и всѣми уважаемаго старца іеросхимонаха Іеронима, духовника Св. Обители, прожившаго въ ней болѣе 40 лѣтъ, и обязанъ Русикъ своимъ настоящимъ, блестящимъ состояніемъ и своимъ, увы, проходящимъ процвѣтаніемъ.

Было время, когда при управленіи о. Макарія и его преемниковъ, Обитель славилась не только своимъ благочестіемъ и подвижничествомъ старцевъ, но и выдающейся духовно-просвѣтительной дѣятельностью, изданіемъ многихъ полезныхъ книжекъ для народа, а также созданіемъ на кавказскомъ побережьи Новаго Аѳона.

Были годы и до войны, и особенно во время войны, когда Обитель щедро отзывалась на просьбы не только отдѣльныхъ лицъ, но и благотворительныхъ обществъ и разныхъ учрежденій *), но, теперь, потерявъ крупные капиталы въ Россіи и метохи (благопріобрѣтенныя имѣнія) въ Греціи, она переживаетъ тяжелые дни и нуждается даже въ людяхъ и рабочихъ силахъ, ибо лучшаго своего пополненія, русскаго крестьянства и мелкаго купечества, она лишилась надолго.

---

*) Подворье Пантелеимоновскаго Монастыря въ Константинополѣ въ настоящее время занято неимущими русскими бѣженцами.

Многочисленнымъ *) же старцамъ, тамъ доживающимъ, сложное монастырское хозяйство уже не подъ силу. Но пока они еще здравствуютъ, эти боголюбивые старцы и, пока пламень Вѣры у нихъ не изсякъ, всѣмъ вѣрующимъ русскимъ людямъ слѣдуетъ имъ помогать, кто совѣтами, кто трудами, а кто и деньгами.

Десять вѣковъ славился Аѳонъ и, несмотря на многіе, тяжкіе удары судьбы, онъ крѣпко держался и десять вѣковъ его святость, ореолъ благочестія и церковной православной мудрости непоколебимы.

И въ этомъ своеобразномъ, монашескомъ, стойкомъ царствѣ цѣломудрія, смиренія и тишины и старинныхъ завѣтовъ и въ этой полудикой, но дивной природѣ есть что-то изумительно привлекательное. Недаромъ богачи американцы, какъ Вильямъ Крейнъ и дрг., имъ интересовались и жертвовали туда значительныя суммы. Но теперь Аѳонъ, особенно въ русской его части, почти беззащитенъ. И православные, и иностранные посѣтители восторгаются, описываютъ, уѣзжаютъ и... забываютъ. А онъ, этотъ Свѣточъ Православія, болѣе чѣмъ когда-либо нуженъ, какъ мѣсто утѣшенія, уединенія, нравственнаго оздоровленія измотавшихся жизнію и современными безумствами русскихъ людей и притомъ ослабѣвшихъ въ вѣрѣ. Въ то же время самъ Аѳонъ нуждается въ помощи, добромъ и мудромъ совѣтѣ, а главное въ покровительствѣ, такъ какъ эта твердыня Православія, эта святая и непоколебимая сила необходима именно

*) Болѣе 500 человѣкъ братіи.

въ нашъ вѣкъ общаго шатанія, безумія, безвѣрія и порока.

Аѳонъ свое историческое и духовное значеніе еще не завершилъ, онъ еще будетъ важенъ и произнесетъ свое вѣщее слово.

И потому-то люди сильные и властные, люди благонамѣренные и разумные должны его охранять, а славянство, да и весь православный міръ, особенно въ лицѣ своихъ Властителей и Патріарховъ, обязаны не только поддержать эту многовѣковую гордость нашей церкви и вѣру въ ея великое будущее, эту еще неисчерпанную силу духа, но и настоять на предоставленіи Аѳону, въ лицѣ его Протата или Кинота свободы управленія и свободы принятія новыхъ собратій, а также обязаны охранять его историческіе права и преимущества и выдающіеся памятники живописи и зодчества, старинные храмы и богатѣйшія церковно — и книгохранилища и хотя убогія, но древнія церковки. Наконецъ, надо же защитить и позаботиться о нынѣ здравствующихъ, великихъ по духу и скромныхъ по жизни подвижникахъ и просто добросердечныхъ труженикахъ, заброшенныхъ отовсюду съ православнаго Востока старцахъ, которыхъ единственный грѣхъ — несовременное занятіе, постоянная и почти непрерывная молитва о своихъ нехитрыхъ прегрѣшеніяхъ и молитва, можетъ-быть, и наивная, но искренняя за весь грѣшный, вѣчно мятущійся, вѣчно бушующій и вѣчно борющійся міръ.

Салоники — Сибіу. 1929 г. Май—Августъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Лунная ночь. Молодая луна серебрится въ морѣ. Направо и налѣво темнѣютъ покрытыя лѣсомъ скалистыя горы, гдѣ позвякиваютъ колокольчики пасущихся муловъ, вѣрныхъ и надежныхъ спутниковъ аѳонскихъ паломниковъ.

Передо мной у берега качается нѣсколько лодокъ, а вдали слышится плескъ морскихъ волнъ о прибрежные камни. Гаденькая, грязненькая греческая кофейня и нѣсколько неказистыхъ, окружающихъ ее, строеній имѣютъ довольно жалкій и непривлекательный видъ.

Пароходъ сильно запаздываетъ. Скучно въ одиночествѣ сидѣть въ Дафни, почти въ полной темнотѣ среди незнакомыхъ, суетливыхъ и быстро лопочущихъ грековъ, и мнѣ взгрустнулось.

Покидаю Аѳонъ съ другими чувствами, какъ пріѣхалъ, и безъ того волненія и приподнятаго настроенія, съ какимъ появился на Святой Горѣ. Осталась позади гостепріимная, родная русская, когда-то богатая Обитель Св. Пантелеймона, древняя колыбель русскаго монашества на Аѳонѣ, имѣющая за собой семьсотъ шестьдесятъ лѣтъ существованія.

И въ этой славной Обители я, кромѣ привѣта, постояннаго вниманія, радушія, хлѣбосольства и заботливости, ничего не видѣлъ и не испыталъ, и я глубоко признателенъ за то отдохновеніе, нравственное успокоеніе, молитвенное утѣшеніе, и за временную оторванность отъ внѣшняго, шумнаго міра, и за отсутствіе житейскихъ заботъ, всякихъ дѣлъ и дрязгъ и за ту благодатную тишину, меня тамъ окружавшую.

И опять и неизбѣжно я окунусь въ мірскую грѣховность и суету. Но мнѣ не потому грустно, а грустно отъ сознанія, что все видѣнное мною и слышанное напоминаетъ мнѣ окончаніе Чеховскаго «Вишневаго сада»: та же грусть, та же тонкая, исчезающая поэзія прошлаго, то же умираніе прежней жизни, прошедшаго довольства и широкаго размаха. Да именно умираніе, ибо тяжелыя новыя условія жизни на Аѳонѣ и различныя стѣсненія лишаютъ всѣ русскіе скиты, келліи и даже вліятельную когда-то Обитель Цѣлителя Пантелеймона пополненія, да и греческіе монастыри почти въ томъ же положеніи и, кромѣ двухъ-трехъ, денежно очень стѣснены, а о прежней свободѣ и помину нѣтъ.

По Севрскому договору отъ 10 августа 1920 года Эллинское правительство обязалось признавать и поддерживать традиціонныя права и свободы, коими пользуются не греческія монашескія общи-

ны Аѳона, согласно ст. 62 Берлинскаго трактата отъ 13 іюня 1878 года, гласящей: «Монахи Св. Аѳона, изъ какой бы страны они не происходили, сохранятъ свои прежнія владѣнія и выгоды и будутъ пользоваться безъ всякаго изъятія полною равноправностью въ правахъ и преимуществахъ».

Это свое обязательство Грецiя вновь подтвердила на Лозаннской конференціи 6 августа 1923 года статьей 16 протокола собранія. Слѣдовательно, не только нравственныя права есть у русскихъ монаховъ, но и юридическія. Но, къ сожалѣнію, договоры одно, а жизнь показываетъ другое.

Великій грѣхъ и великую, почти непоправимую ошибку свершаютъ тѣ люди, которые стремятся уничтожить Аѳонъ, какъ Царство Вѣры, Святости, Молитвы, безмолвія и покоя.

Самой природой онъ предназначенъ для спасенія и отшельничества, а между тѣмъ, если не одумаются Великіе Міра сего и если Славянство не поддержитъ своихъ беззащитныхъ, неповинныхъ, незлобивыхъ братьевъ, эта Святая Сила, эта многовѣковая твердыня Православія должна быстро исчезнуть.

Я бы хотѣлъ разбудить спящихъ, я бы хотѣлъ подбодрить лѣнивыхъ и былъ бы счастливъ прекратить это нынѣшнее православнаго люда безразличіе къ Великому Историческому Памятнику Вѣры, къ этому Земному Удѣлу Пресвятой Владычицы нашей Богородицы.

Теперь безпокоятся и заботятся будто-бы обо всѣхъ и обо всемъ и даже о томъ, о чемъ вѣрующимъ пожалуй, и не слѣдовало бы заботиться, а мимо такого чарующаго, мирно-таинственнаго, сказочно-поэтическаго уголка, какъ Аѳонъ, мимо его бѣдъ и невзгодъ проходятъ и не желаютъ о немъ подумать, а онъ безусловно достоинъ всеобщаго христіанскаго вниманія. Неужели же онъ кому-либо мѣшаетъ, или же онъ никому уже не нуженъ?

Невозможно и постыдно Православному Міру допустить его запустѣніе: Аѳонъ достоинъ всеобщаго христіанскаго вниманія.

Нѣтъ, есть Правда Божія, я вѣрю въ нее, и Она не сказала еще своего слова.

Сибіу. Сентябрь 1929 г.

Приложеніе № 1.

Въ Пантелеимоновскомъ монастырѣ насчитывается 25 храмовъ, считая всѣ параклисы, а внѣ монастыря — въ скитахъ и келліяхъ, принадлежащихъ монастырю, до сорока храмовъ. Въ Андреевскомъ скиту — 16 храмовъ, въ Ильинскомъ скиту — шесть.

Кромѣ того, въ мѣстности Каруля, гдѣ живутъ русскіе отшельники, имѣется два храма и еще нѣсколько храмовъ— въ русскихъ келліяхъ; слѣдовательно, на Аѳонѣ всего около 130 храмовъ, принадлежащихъ русскимъ инокамъ.

До войны въ Пантелеимоновской обители было свыше 2000 братіи, въ Андреевскомъ — до 500, а въ Ильинскомъ — до 300. Вмѣстѣ съ русскими иноками, отдѣльно живущими, и въ русскихъ келліяхъ, всего на Аѳонѣ было до 5000 русскихъ монаховъ. Кромѣ того, въ сербскомъ Хиландарскомъ монастырѣ было 100 съ небольшимъ монаховъ и въ болгарскомъ Зографѣ — 300. Въ то же время въ самыхъ большихъ греческихъ монастыряхъ — Лаврѣ Св. Аѳанасія и Ватопедѣ насчитывалось около 200 въ каждомъ; въ остальныхъ же греческихъ монастыряхъ число монаховъ колебалось отъ 60 до 100, и общее число греческихъ монаховъ не превышало 2000 человѣкъ.

Нынѣ въ русской обители и двухъ русскихъ большихъ скитахъ имѣется около 1000 монаховъ, а всего русскихъ на Аѳонѣ теперь приблизительно 1500 — 1800 человѣкъ, но и въ греческихъ монастыряхъ число иноковъ значительно сократилось. Необходимо охранить громадное русское церковное имущество на Аѳонѣ.

Авторъ.

Приложеніе № 2.

Для каждаго паломника обязательно запастись рекомендаціей или мѣстнаго православнаго или знакомаго, конечно, православнаго же, архіерея, и эта рекомендація представляется въ Карейскій Кинотъ для полученія аѳонскаго паспорта, безъ котораго ни въ одинъ монастырь не пустятъ. Каждый монастырь обязанъ пріютить паломника, снабженнаго таковымъ паспортомъ, накормить безплатно и дать мула или лодку до ближайшаго монастыря. Конечно, предполагается, что болѣе двухъ сутокъ паломникъ въ монастырѣ не останется. Пріемъ въ монастыряхъ зависитъ отъ того паспорта (аѳонскаго), которымъ снабженъ паломникъ, ибо есть паспорта очень хорошіе, хорошіе и посредственные, смотря по представленнымъ рекомендаціямъ.

По внѣшнему виду аѳонскіе паспорта отличаются размѣрами печати съ изображеніемъ Божіей Матери.

Въ Салоникахъ приходится всегда ожидать парохода на Аѳонъ (пристань Даѳни), ибо правильнаго расписанія не имѣется. Зимой ходятъ рѣдко, въ зависимости отъ погоды, лѣтомъ — до трехъ разъ въ недѣлю. Пароходы дальнихъ рейсовъ на Аѳонъ не заходятъ, а въ Салоникахъ останавливаются лишь итальянскіе пароходы, идущіе изъ Констанцы и въ Констанцу, и греческіе — изъ Галаца и изъ Пирея и обратно. Итальянскіе очень хороши, но дороги, греческіе — значительно хуже, но дешевле.

Въ Салоникахъ есть очень приличная, чистая и недорогая гостиница «Модернъ», содержимая македонскими румынами. Подворья русскаго въ Салоникахъ нѣтъ. Русскимъ паломникамъ безъ запроса Аѳинъ визъ на Аѳонъ не даютъ.

Авторъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

„ГОСПОДИНЪ ВЕЛИКІЙ НОВГОРОДЪ“.

„СВЯТЫЕ И ГРѢШНЫЕ“ Складъ изданія: „Родникъ“ 106, rue de la Tour, Paris.

„HEILIGE UND SÜNDER“. Verlag Krafft und Drotleff, Sibiu, Rumänien.
